

ДЕТЕРМИНАНТЫ ТИПА *У МЕНЯ* В РУССКОМ ЯЗЫКЕ
И ИХ СООТВЕТСТВИЯ В БОЛГАРСКОМ:
ПРАГМАТИКА И СИНТАКСИЧЕСКИЙ СТАТУС

Светлана Славкова

Целью настоящей работы является выявление некоторых доминирующих семантико-синтаксических структур в русском языке и обоснование тезиса о существовании в нем особых прагматико-синтаксических категорий. Структуры, о которых пойдет речь, связаны также с восприятием и ментальным отражением явлений действительности в сознании говорящего и в его родном языке. Оговоримся сразу, что мы не ставим перед собой задачи выявления каких-либо различий в “сегментации” мира в разных языках, а лишь только описание языкового материала, ориентированное на выделение универсальных грамматических явлений. При этом мы будем опираться на языковой материал и положения, изложенные в работах Н. Д. Арутюновой, Т. В. Булыгиной, А. Д. Шмелева, В. Г. Гака, Ю. Д. Апресяна, М. Гиро-Вебер, Вяч. Вс. Иванова, А. В. Головачевой и других авторов, занимавшихся специфическими конструкциями русского синтаксиса в сопоставлении с иностранными языками.

Предметом рассмотрения в данном случае будут синтаксические конструкции с глаголом *быть* в некоторых его значениях и функциях, считающихся типичными для русского языка прежде всего ввиду их распространенности и частотности. Кроме того, будут привлечены данные и другого славянского языка (болгарского), а также итальянские соответствия некоторых анализируемых примеров. Исходный язык русский.

Русским синтаксическим конструкциям с глаголом *быть*, выражающим посессивность, локативность и бытийность (экзистенциальность),¹

¹ Лексическое значение русского глагола *быть* было предметом исследований Ю. Д. Апресяна, которым был составлен т. наз. лексикографический портрет лексем, выявлены ее основные значения (связочное, локативное, посессивное,

посвящены работы Н. Д. Арутюновой, Е. Н. Ширяева, А. В. Циммерлинга, Т. Е. Янко. В особую группу выделяются предложения наличия в русском языке, в которых используются делексикализованные глаголы типа *стоять, лежать* и под. (Шатуновский 2000). Соответствующие конструкции в славянских языках в сопоставлении с русским стали предметом анализа в коллективной монографии Института славяноведения и балканистики при АН СССР (Иванов 1989), а также в работе А.В. Головачевой 2000, в которой рассматриваются статика и динамика посесивных отношений в русском и в западнославянских языках.

Н. Д. Арутюнова видит в структуре бытийных предложений модель для многих других типов предложений. В этой связи она пишет: “практически все семантические типы сообщений, касающиеся личной сферы, могут получить в русском языке форму бытийных предложений” (1998, 769). В частности, автором подчеркивается трехкомпонентный состав рассматриваемых предложений: в их структуру входят локализатор (область бытия), имя предмета и бытийный компонент (утверждающий или отрицающий идею существования предмета). Речь идет о таких бытийных предложениях, как *Был у меня один знакомый;*² *На ней было (*это) старое платье; У него было много книг; На улице жара; В голове пустота; В руках у нее были желтые цветы* и т. п., которые относятся как ко внешнему так и ко внутреннему миру человека. Несмотря на это, в русском языке они построены по одной – бытийной - модели. По замечанию Н. Д. Арутюновой, “использование одного принципа для описания макро- и микромира составляет особенность русского языка, отличающую его от ряда других европейских языков, в частности романских и германских, в которых сообщения о макромире, взятом в его предметном аспекте, моделируются по бытийному типу, представленному синтаксически четкой конструкцией (англ. *there is*), а микромир человека изображается по «имущественному» принципу владения, принадлежности (англ. *to have*): в мире нечто с у щ е с т в у е т (есть), человек нечто и м е е т ” (1998, 770; разрядка автора). С другой стороны, уже в работе Бенвениста (1960, 234) подчеркивается, что использование *быть* для выражения отношения принадлежности первично и исторически представлено

экзистенциальное, модальное и вспомогательное), отсылающие к ее различным синтаксическим реализациям (1995).

² В качестве иллюстративного материала используются примеры характерные для устной (разговорной) речи, многие из которых заимствованы из Арутюнова 1998, а также из работ других авторов (Ширяев 2001; Шатуновский 2000; Янко 2000).

во многих языках, в то время как развитие того же значения у *иметь* по Бенвенисту – продукт языковой эволюции. На материале различных языков (в том числе русского) Дж. Лайонз (1967, 1972) также подчеркивает взаимосвязь между локативными, посессивными и экзистенциальными предложениями.

Бытийные, локативные и посессивные конструкции представляют особый интерес не только с теоретической точки зрения, но и в плане их практического сопоставления с другими языками, поскольку принципы их построения в других языках могут в значительной степени отличаться от соответствующих принципов в русском. Выявление закономерных отношений и соответствий в семантико-синтаксических структурах, составляющее основу сопоставительного анализа различных языков, может способствовать выявлению объективных и универсальных языковых явлений.

Учитывая тот факт, что бытийные предложения в русском языке могут служить практически любой коммуникативной цели, мы попытались в представленной ниже таблице представить некоторые типы структурных соответствий в русском, итальянском и болгарском языках с опорой прежде всего на способы выражения первого аргумента предиката в русских примерах (рассматривались примеры с нейтральным порядком слов и интонацией).

Таблица 1

А) Быть+У+GEN (одуш.) (= avere / имам)

Русский	Итальянский	Болгарский
<i>Есть у меня один знакомый.</i>	<i>Ho un conoscente.</i>	<i>Имам един познат.</i>
<i>Была у меня один студент.</i>	<i>Avevo uno studente.</i>	<i>Имах един студент.</i>

Б) У+GEN (од.) + быть / Ø (= avere / имам)

<i>У них есть машина.</i>	<i>Hanno una / la macchina.</i>	<i>Те имат кола.</i>
<i>У него много книг.</i>	<i>Ha molti libri.</i>	<i>Той има много книги.</i>
<i>У него никого нет.</i>	<i>Non ha nessuno.</i>	<i>Той няма никого.</i>
<i>У него завтра экзамен</i>	<i>Domani ha un / l'esame.</i>	<i>Той утре има изпит</i>

В) В/НА + PREP. (од.) + БЫТЬ (= avere, tenere / има – безл.)

Русский	Итальянский	Болгарский
<i>На ней было старое платье.</i>	<i>Aveva addosso un vestito vecchio</i>	
<i>В ней было необъяснимое очарование.</i>	<i>Aveva un fascino inspiegabile</i>	<i>В нея имаше едно необяснимо очарование.</i>

Г) В/НА + PREP. (неод.) + У + GEN (од.) + БЫТЬ (= avere, tenere / имам)

<i>В кармане у него было несколько рублей.</i>	<i>In tasca aveva qualche rublo.</i>	<i>В джоба си имаше няколко рубли.</i>
<i>В руках у нее были желтые цветы.</i>	<i>Aveva in mano dei fiori gialli.</i>	<i>В ръцете си имаше жълти цветя</i>
<i>У нее в руках был букет из цветов.</i>	<i>Aveva in mano un mazzo di fiori</i>	<i>В ръцете си имаше букет от цветя.</i>

Д) В/НА + PREP + БЫТЬ (= essere / има - безл.)

<i>В комнате были люди</i>	<i>Nella stanza c'era gente.</i>	<i>В стаята имаше хора.</i>
<i>На этой улице красивые дома</i>	<i>In questa strada ci sono belle case.</i>	<i>На тази улица има хубави къщи.</i>

Данные перевода русских примеров показывают, что сведения, затрагивающие личную сферу одушевленного субъекта, в итальянском языке чаще всего выражаются глаголом *иметь*, а сообщения, затрагивающие внешний макромир, предпочитают бытийный тип, т. е. с глаголом *быть*. В болгарском языке (как, кстати, и в старославянском и в древнерусском языках) в обоих случаях используется глагол *имам* (*нямам*) в двух своих ипостасях: личной и безличной. Те же глаголы используются в так называемых предложениях наличия, т. е. в тех случаях, когда в русском языке употребляются делексикализованные *лежать*, *стоять* (*На столе лежали книги – На масата имаше книги*). Необходимо однако подчеркнуть, что при определенности (референциальности) предмета наличия в русском языке достаточна темо-рематическая перестановка компонентов (*Книги лежали на столе*), в то время как в болгарском, помимо эксплицитно выраженной определенности имени при

помощи артикля, имеет место и замена предикатного компонента (безличное *има* заменяется на глагол *съм*: *Книгите са / бяха на масата*). Во французском также актуализация и определенность предмета наличия сопровождается заменой безличного глагола на личный (*Sur la table il y a / il y avait des livres – Les livres sont / étaient sur la table*). Сходная ситуация наблюдается и в итальянском, где в первом случае употребляется *esserci* (*Sul tavolo c'erano dei libri*), а во втором – глагол *essere* (*I libri sono / erano sul tavolo*).

В русском во всех случаях (*avere / имам (нямам)* и *essere / има (няма)*) употребляется глагол *быть*, но различается оформление локализатора (или области бытия),³ а также типология имени (по категории одушевленность-неодушевленность).⁴ При этом, форма локализатора, и точнее, грамматическое лицо личного местоимения в родительном падеже соответствует грамматическому лицу глагола *иметь (avere)* в итальянском и болгарском языках, т. е. это лицо первого аргумента: В руках у нее (Зл. ед. ч.) были желтые цветы. – В ръцете си (Зл. ед. ч.) имаше (държеше) жълти цветя. – Aveva (Зл. ед. ч.) in mano dei fiori gialli.

На основании этого типа предложений можно объяснить и структуру высказываний характеристики, которые получаются из бытийных предложений путем некоторых простых трансформаций. Благодаря перестановке в позицию темы, и следовательно, в область референциальности, имени бытующего предмета (который таким образом становится объектом характеристики) актуализируется его качественная или количественная характеристика, так как она автоматически попадает в коммуникативный фокус высказывания:⁵

- (1) **У нее в руках** / был букет из полевых цветов → **Букет у нее в руках** / был из полевых цветов.
- (2) **На ней** / было старое платье. → **Платье на ней** / было старое.
- (3) **У него** / много книг. → **Книг у него** / много.
- (4) **В руках у нее** / были желтые цветы. → **Цветы у нее в руках** / были желтые (желтыми).

³ Термин Н. Д. Арутюновой (1998), сходный концепт "посессивного пространства" А. В. Головачева (2000) называет локусом (53).

⁴ О месте категории одушевленности в иерархии аргументов предиката см. Геберт 1993.

⁵ Подробнее об этом механизме см. Арутюнова 1998, 750-751.

- (5) **На этой улице** / красивые дома. → Дома на этой улице / красивые.
- (6) **В углу** / аккуратно сложенная стопка дров. → Стопка дров в углу / сложена аккуратно.
- (7) **У него** / завтра экзамен. → Экзамен у него / завтра

Во всех приведенных примерах речь идет об относительно или окказионально неотчуждаемых объектах обладания.⁶ Полученная таким образом структура (группа субъекта – группа предиката) соответствует логике устного общения на русском языке, в которой является вполне обычным выражение детерминанта при помощи локализатора.⁷ На наш взгляд, именно учет коммуникативных задач говорящего должен привести к пониманию, что детерминанты типа *у меня* в русском языке имеют не только нестандартный синтаксический статус, но и особую прагматическую роль.

Такие конструкции как *У меня большая семья*, вбирающие в себя бытийную пресуппозицию (*У меня есть семья*) и ассерцию отношения (*Семья у меня большая = Моя семья большая*) в курсе русского языка, имеющем коммуникативный характер, предъявляются едва ли не с первого занятия (ср., например, коммуникативное задание *Расскажите о себе, о своей семье, о своей учебе* и т. п.). Ср. также высказывания: *Занятия у нас пять раз в неделю. Студентов у нас в группе пятнадцать. Отец у меня врач / на пенсии*. Хотя в некоторых высказываниях и возможна замена локального детерминанта на притяжательное местоимение (*в нашей группе, мой отец*), нетрудно показать, что такая замена возможна не всегда (*?Наши занятия пять раз в неделю*), в частности, в случаях актуализации количественного компонента: *Детей у нее двое*. ← *У нее двое детей (= У нее есть дети. Детей двое)*. В данном примере вообще невозможна детерминация при помощи притяжательного местоимения: **Мои детей двое, *Тех детей двое*. Более того, выражение при-

⁶ В работе Головачева (2000) выделяются абсолютная, относительная, окказиональная и собственно неотчуждаемость объектов обладания.

⁷ Использование в качестве детерминанта локализатора, а не притяжательного местоимения является типичной чертой современной русской устной речи, где локальный тип детерминанта вытеснил притяжательное местоимение (ср. фразы типа *У меня, у знакомой, у ребенка, в классе* + предикат). Как отмечает Н. Д. Арутюнова "преобладающим для классических бытийных предложений следует считать пространственное представление о мире" (1998, 742).

тяжательных отношений при помощи у + GEN характерны не только для предложений с глаголом *быть*: в устной речи сплошь и рядом можно услышать *Дочь у нее работает стюардессой; Отец у меня умер три года назад; Дети у нее еще учатся* и т. д., где притяжательное местоимение, конечно, возможно, но почему-то в устной речи более предпочтителен вариант *у меня, у нее* и т. д. По справедливому замечанию Головачевой «такое ограниченное употребление $\text{Attr}_{\text{poss}}$ является следствием экспансии Gen_{poss} вытесняющего $\text{Attr}_{\text{poss}}$ сужающего сферу его употребления. Следует заметить, что $\text{Attr}_{\text{poss}}$ являясь, наравне с Gen_{poss} категориальным средством выражения принадлежности, не может выражать иных отношений между объектами» (2000, 24). Подобна ситуация и с конструкцией у + GEN, которая, помимо собственно посессивных отношений, по-видимому, выражает и другие дополнительные нюансы.

В болгарском языке, например, в конструкциях, соответствующих русским конструкциям с у + GEN в приименной позиции, в устной речи регулярно употребляется энклитика, формально совпадающая как с дательным падежом личного местоимения, так и с краткой формой притяжательного местоимения: *Дъщеря ѝ работи като стюардеса; Баща ми почина преди две години; Децата ѝ още учат*.

Прагматические коннотации, имплицитные посессивами, специально рассматривались в Иванов 1989, где все то, что близко человеку, освоено им или присуще ему связывается с положительной оценкой (241). В рассматриваемых нами конструкциях, однако, характерная для прагматических категорий возможность выбора при грамматической допустимости реализуется только в некоторых случаях нестандартного выражения посессора (конструкция имя + у + GEN + предикат), а именно, в случаях, когда «предмет» обладания выражен одушевленным именем существительным. В некоторых других случаях замена на притяжательное местоимение недопустима и употребление слабоударного у локализатора обязательно (в смысле отсутствия выбора):

(8) Ты **у меня** еще маленький

(9) Она **у них** еще учится

где замена на притяжательное местоимение (*мой, их*) недопустима. (**Мой ты еще маленький; *Их она еще учится*). В итоге, возможно по аналогии, это употребление получило распространение и в случаях типа *Мой отец врач – Отец у меня врач*.

Тот факт, что в болгарском языке в соответствующих примерах наблюдается тенденция замены глагольного предиката на именную, а в русском – выраженные глаголом предикаты русских конструкций чаще всего

имеют перфектное значение состояния, наводит на мысль, что описываемое явление имеет место в первую очередь при предицировании состояния. К сходному заключению приходит и Головачева, которая, рассматривая конструкции неодушевленным посессором, в частности, пишет: “конструкция с у-локализатором вообще не обозначает затронутости посессора действием, а лишь свидетельствует о том, что действие происходит в ‘локусе’ (посессивном пространстве) Ps” (2000, 53).

Другой характеристикой болгарских конструкций является ограничение такого типа высказываний первым и вторым лицом. Остается открытым вопрос о статусе энклитик *ми / ти / ни / ви*, так как их нельзя заменить ни на притяжательное местоимение типа *мой, твой* (и, следовательно, объявить простыми притяжательными местоимениями), ни на полную форму датива личного местоимения (*на мене, на тебе*), что, в свою очередь, не позволяет считать их собственно дативом. Возможно, что, как и в русском языке, речь идет об особой словоформе, приобретающей в определенных синтаксических условиях специальное прагматическое назначение:

(10) Ти си **ми** още мъничък.

(11) ?Тя **им** е още ученичка.

Нам представляется, что приименный у-локализатор в русском и (псевдо?) датив в болгарском выражают и дополнительный смысл: это значение личного участия ‘посессора’, вовлечение субъекта в личную сферу ‘посессора’ и, в некоторой степени, отражения последствий (скорее положительных, чем отрицательных) на бытии посессора. Другими словами, примеры (8) и (11) указывают не только на возраст или занятие субъекта, но и на родительскую связь, ответственность, заинтересованность и под., т. е. имплицитно определяют эмоциональную вовлеченность ‘посессора’. Несколько иной оттенок приобретают высказывания (9) и (11), где наличие посессора в третьем лице, ‘введенного’ говорящим, можно рассматривать как признак языковой эмпатии, становления говорящего на точку зрения этого лица. Игнорирование реального удельного веса этих конструкций в русской устной речи может привести к неполному освещению системных лексико-грамматических связей и их прагматической роли в русском языке.

Важно также обратить внимание на то, что в вышеуказанных примерах со значением характеристики (количественной или качественной) глагол *есть* в настоящем времени отсутствует. Однако в близких к ним высказываниях типа *У него есть новые книги*, а также в вопросах *У вас есть новый учебник? У вас есть красный карандаш?* наличие / отсут-

ствии предмета обладания с определенной характеристикой выясняется именно при помощи эксплицитно выраженного глагола *есть*. Более того, в примерах с глаголом *есть* имя предмета чаще всего неопределенно (вне зависимости от наличия или отсутствия при нем атрибута):

(12) У него есть книги ([Той] има книги; На **dei** libri);

(13) У него есть новые книги ([Той] има нови книги; На **dei** libri nuovi);

(14) а) У него **новые** книги = б) Книги у него новые (Книгите му са нови; I **suoi** libri sono nuovi).

Последние два высказывания (14а – 14б) синонимичны, в них важно отметить позицию детерминанта-локализатора у *него*, который в последнем примере (14б) как бы вклинивается в именную синтагму, приобретая ослабленное ударение и выполняя при этом функцию притяжательного местоимения; имя при этом занимает тематическую позицию, подпадая автоматически под категорию определенности и референциальности. Таким образом, связь предложений, построенных по бытийной модели, с категорией ‘определенности – неопределенности’ становится очевидной.

Сказанное подтверждается данными болгарского и итальянского языков, в которых эксплицитно выражаются как притяжательное местоимение, так и определенный артикль имени, что и обуславливает возможность иного порядка слов (*Нови са му книгите; Sono nuovi i suoi libri*).

В связи со всем вышеизложенным, мы предлагаем в русском языке выделить в особую категорию предикатные высказывания качественной или количественной характеристики объекта с обязательным употреблением локализатора типа *у меня*:

*Книг у него много; *Его книг много; Лекции у него проходят живо и интересно; Его лекции проходят живо и интересно; Студентов у нас в группе пятнадцать; *?Наших студентов в группе пятнадцать (с изменением смысла); Отец у меня врач / на пенсии; Мой отец – врач; Он у меня на пенсии; *Мой он на пенсии; Детей у них двое; *Их детей двое.*

Данные конструкции позволяют проиллюстрировать, во-первых, предикатные отношения характеристики между группой субъекта и группой предиката, во-вторых, способы выражения самого субъекта и его детерминантов в русском языке (и следовательно, обратить внимание на синонимичность притяжательных детерминантов типа *мой* и локализаторов типа *у меня* и на их частичную взаимозаменяемость). Важно подчеркнуть также, что локализаторы типа *у меня* обладают самостоятельной синтаксической ценностью: они не всегда могут заменяться на притяжательное местоимение, и это определяет их особый статус в языке.

В итоге, представляется целесообразным особо остановиться на формальных эквивалентах русских высказываний характеристики в итальянском и болгарском языках. Структуру этих конструкций можно представить в следующем виде:

РУССКИЙ:	A.	(Agg. poss.) Sost. + (быть) + Sost./Agg. [Sost. + y-loc. + (быть) + Sost./Agg.]
	B.	Pron. + y-loc + (быть) + Sost./Agg. Sost. gen. + y-loc + (быть) + Quant.
БОЛГАРСКИЙ:	A.	Sost. det. + poss. clit. + съм + Sost./Agg. [(Agg. poss.) Sost. + (сьм) + Sost./Agg.]
	B.	Pron. + poss. clit. + (сьм) + Sost./Agg.
ИТАЛЬЯНСКИЙ:	A.	Agg. poss. + Sost. det. + essere + Sost./Agg.

Обращает на себя внимание поразительная близость итальянской и болгарской модели, а также двойственность форм *ми / ти / ни / ви* в болгарском языке, которые являются как бы связующим звеном между русской и итальянской конструкциями. Характерное для русской модели раздвоение (модели А и Б), возможно, связано с особым статусом детерминанта у+GEN. Есть все основания полагать, что он выполняет не только, а иногда и не столько функцию “локализатора”, но и способствует выражению определенной прагматической установки говорящего, которая может быть связана со специальной задачей сфокусировать интерес слушающего на роли бенефицианта. В других случаях, когда имеет место явление эмпатии, указанный детерминант позволяет говорящему встать на точку зрения посессора.

ЛИТЕРАТУРА

- Апресян Ю.Д.
 1995 Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*). — Интегральное описание языка и системная лексикография, Москва, Языки русской культуры, 1995.
- Арутюнова Н. Д.
 1998 Язык и мир человека, Москва, Языки русской культуры, 1998.
- Benveniste E.
 1960 “Etre” et “avoir” dans leur fonctions linguistiques. — *BSL* (перепечатано в Бенвенист 1966).
 1966 Problèmes de linguistique générale. Paris, Gallimard, 1966.
- Бульгина Т. В , Шмелев А. Д.
 1997 Языковая концептуализация мира. Москва, Языки русской культуры, 1997.
- Гак В. Г.
 1998 Языковые преобразования. Москва, Языки русской культуры.
- Головачева А. В.
 2000 Стереотипные ментальные структуры и лингвистика текста. Москва, РАН, 2000.
- Gebert L.
 1993 Intorno all’animatezza.— In: Problemi di morfosintassi delle lingue slave, 1993, 4.
- Guiraud Weber M.
 1984 Le propositions sans nominatif en russe moderne. Paris, Institut d’Etudes slaves, 1984.
- Иванов Вяч. Вс. (под ред.)
 1989 Категория посессивности в славянских и балканских языках. Москва, Наука, 1989.
- Йокояма О.
 2000 Эмпатия в рамках транзакционной модели дискурса. — Русский язык сегодня, Москва, Азбуковник, 2000.
- Lyons J.
 1967 A note on possessive, existential and locative sentences. — Foundations of Language. International of Language and Philosophy, vol. 3 (1967).
 1972 Introduction to theoretical linguistics. Cambridge 1968.

Циммерлинг А. В.

2000 Обладать и быть рядом. — Логический анализ языка. Языки пространств, Москва, Языки русской культуры, 2000.

Шатуновский И. Б.

2000 Предложения наличия vs. бытийные и локативные предложения в русском языке. — Логический анализ языка. Языки пространств, Москва, Языки русской культуры, 2000.

Ширяев Е. Н.

2001 Семантико-синтаксическая структура разговорного диалога. — Русский язык в научном освещении, 2001, №1.

Янко Т. Е.

2000 Бытование и обладание: конструкции с глаголом *быть*. — Логический анализ языка. Языки пространств, Москва, Языки русской культуры 2000.